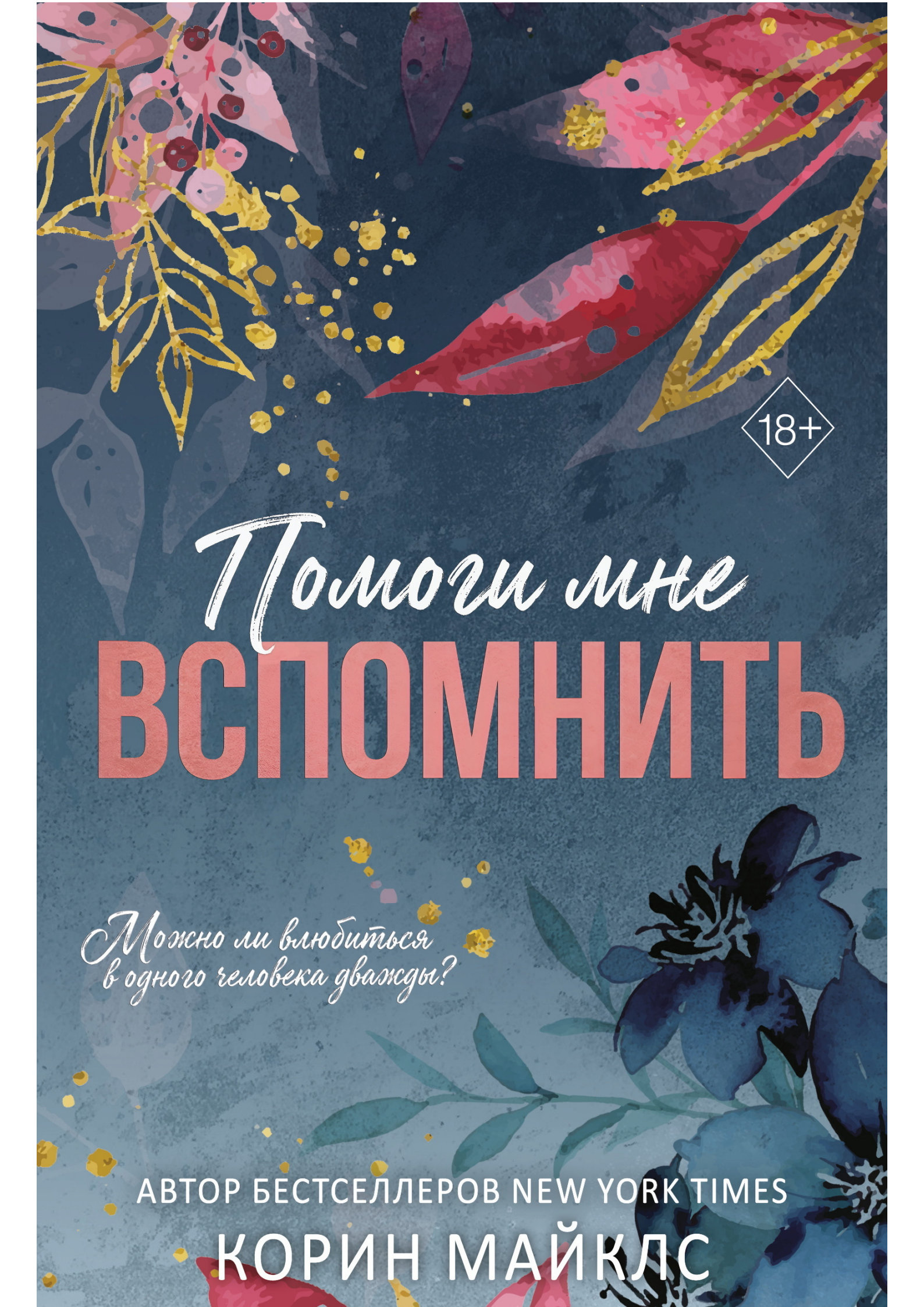

18+

Помоги мне ВСПОМНИТЬ

*Можно ли влюбиться
в одного человека дважды?*

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

КОРИН МАЙКЛС

В объятиях лжи

Корин Майклс

Помоги мне вспомнить

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Майклс К.

Помоги мне вспомнить / К. Майклс — «Эксмо», 2022 — (В объятиях лжи)

ISBN 978-5-04-252580-3

Романтический саспенс автора бестселлеров New York Times, USA Today с тропами «маленький городок», «лучший друг брата», «тайные отношения». Бри и Спенсер – два потрясающих персонажа, душевная боль которых доведет до слез. Эмоциональная история любви о потере, предательстве и о том, как, вопреки всему, сердце всегда приведет туда, где вы должны быть – даже если этот путь лежит через разбитые воспоминания и невыносимую правду. В одно мгновение я потеряла все. Свои воспоминания, прошлое и надежды на будущее. Из последних трех лет жизни знаю лишь одно – старший брат мертв, а я – единственный свидетель. Чтобы не повлиять на мои показания, адвокаты запрещают кому-либо рассказывать о прошлом. Я должна сама все вспомнить. Единственный, кто может помочь – Спенсер Кросс, лучший друг моего брата и один из выдающихся репортеров в стране. Тот самый Спенсер, о котором я мечтала многие годы. Вместе мы должны по крупицам восстановить прошлое и найти убийцу. Но с каждым днем я замечаю, что Спенсер видит во мне не просто младшую сестренку своего друга. Его поцелуи кажутся чем-то до боли родным. Объятия дарят ощущение безопасности. И мне уже не так хочется вспоминать прежнюю жизнь, ведь я мечтаю о новой с ним. Но память возвращается, заставляя усомниться в будущем. Особенно, когда я нахожу в своей квартире обручальное кольцо. Понятия не имею, кто его подарил и какую правду оно скрывает. Я просила Спенсера помочь мне все вспомнить... Но теперь отдала бы все, чтобы забыть. «Корин Майклс написала один из самых чувственных романов, которые я когда-либо читала. Ее книги трогают меня до глубины души». – Девни Перри, автор бестселлера «Щит Спэрроу»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-252580-3

© Майклс К., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Корин Майклс

Помоги мне вспомнить

*Зоммер Штайн... Спасибо,
что не уволила меня – пока еще.*

Серия «В объятиях лжи»

Corrine Michaels

HELP ME REMEMBER

Copyright © 2022. HELP ME REMEMBER by Corrine Michaels

Перевод с английского Е. С. Гладыщева

© Гладыщева Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Бриэль

Я распахиваю глаза и тут же зажимаюсь от слишком яркого света. Головная боль ужасна, от нее перехватывает дыхание. Какого черта здесь случилось?

На руке чувствуется легкое прикосновение, и тишину наполняет ласковый мамин голос.
– Бриэль, милая. Все хорошо. Моя сладкая девочка, открой глазки.

Я несколько раз выдыхаю, прежде чем попытаться снова. На этот раз я готова к яркому свету и стерильно-белым стенам, отражающим солнечный свет. Кто-то быстро двигается по комнате, и через секунду опускаются жалюзи, создав спасительную тень и облегчив мне задачу разлепить веки.

– Где... – пытаюсь выговорить я, но горло пересохло. Такое ощущение, что я проглотила тысячу ножей и много лет не пила ни глотка воды.

Возле меня сидит мама, а рядом с ней моя невестка Эддисон. Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, кто с другой стороны, но это большая ошибка. Череп пронзает новая волна боли. Прижимаю ладони к голове, пытаюсь унять сильную боль, но получается плохо.

Кто-то, полагаю, что врач, приказывает принести лекарства, а затем понижает голос до шепота.

– Бриэль, это Холден. Сейчас мы дадим тебе обезболивающее.

Холден? Лучший друг моего брата здесь? Я не понимаю. Он покинул Роуз-Каньон много лет назад и возвращается сюда не чаще раза в год.

Он снова начинает говорить:

– Ты знаешь, где находишься?

Судя по мониторам и тому, что я лежу в кровати, предполагаю, что в больнице, поэтому киваю.

– Ч-что с-случилось? – едва выговариваю я.

Вокруг тишина, слышен только писк у меня за спиной. Усилием воли держу веки открытыми, как будто это поможет мне найти ответ на вопрос, почему я здесь. Когда у меня наконец получается, я обнаруживаю перед собой всех трех лучших друзей моего брата. Холден в белом халате стоит посередине. Рядом с ним Спенсер Кросс, высокий, греховно красивый брюнет, о котором я мечтаю с тринадцати лет, но который никогда не будет моим. Позади Эмметт Максвелл, который... сейчас в армии, ожидает передислокации... Какого черта?

Почему он в полицейской форме? Почему он вообще здесь? Электронные письма, которые он присылает каждую неделю, – вот и все, что мне известно о нем от Айзека, потому что, конечно же, Эмметту было необходимо вступить в спецназ. Он не мог просто отслужить свой срок и вернуться – ему нужно проявить героизм, что нисколько не удивительно.

– Ты знаешь, почему ты в больнице? – спрашивает Холден.

Я качаю головой, тут же сожалея об этом.

Он ласково улыбается, прежде чем спросить:

– Как твое полное имя?

– Бриэль Анджелина Дэвис.

– Дата рождения?

– Седьмое октября.

– В какой школе ты училась?

Я фыркнула:

– В той же, что и вы все. Старшая школа Роуз-Каньона.

Эмметт выступает вперед. Он крупнее, чем я помню, у него широкая грудь, а мышцы рук так распирают форму, что кажется, словно она вот-вот лопнет по швам. Он одаривает меня своей обаятельной улыбкой и кладет руку на плечо Холдена.

– Бриэль, как считаешь, ты готова ответить на несколько моих вопросов? Знаю, тебе наверняка больно, и ты устала, но это важно.

Вопросы? Разве я уже не отвечаю на вопросы?

Давление на руке усиливается, напоминая, что рядом мама, и я медленно поворачиваюсь к ней. Под ее карими глазами залегли темные круги, а по щекам текут слезы. Эдди стоит рядом и тоже выглядит так, словно не спала целую неделю. Я снова оглядываюсь по сторонам, гадая, где, черт возьми, мой брат. Айзек скажет мне, в чем дело. Он всегда со мной честен.

– Айзек? – Я зову его, думая, что, может быть, он в коридоре или куда-то отошел.

Эддисон прижимает ладонь ко рту и отводит взгляд. Мама крепче сжимает мою руку, а затем тянется к Эдди.

– А что насчет Айзека? – спрашивает Холден, снова привлекая мое внимание.

– Где он?

В разговор вмешивается Эмметт:

– Что ты помнишь о вашей последней встрече с Айзеком?

– Я не... Я не... – Оглядываюсь по сторонам, не понимая, почему я в больнице и что, черт возьми, происходит. – Помогите. Я не...

– Спокойно, Бри, – быстро говорит Холден. – Ты в безопасности. Просто расскажи нам, что случилось.

Я качаю головой, потому что не понимаю, почему он об этом просит. Боль еще острее пронзает голову. Я зажмуриваюсь и жду, пока не станет полегче, чтобы вновь начать говорить.

– Я не знаю. Почему я здесь? Что происходит? Где Айзек? Почему вы все плачете? Что со мной не так?

Холден подходит ближе, не сводя с меня глаз:

– С тобой все в порядке, но я хочу, чтобы ты сделала пару вдохов и постаралась успокоиться, хорошо? – Он преувеличенно глубоко вдыхает, на секунду задерживает дыхание, а затем медленно выдыхает. После нескольких попыток мне удается повторить его действия, но паника не исчезает и скребет душу.

Он поворачивается к Эмметту:

– Она не готова. Почему бы вам, ребята, не дать нам несколько минут, пока я осмотрю ее и помогу прийти в себя. Ей нужно немного времени.

Мама встает, но не отпускает мою руку:

– Я ее не оставляю.

– Миссис Дэвис, мне нужно ее осмотреть, и будет лучше, если нам не будут мешать.

Если это даст мне хоть какие-то ответы, я согласна. Но, моя мать не сдастся без боя.

– Мам, все в порядке. Мне просто... Нужно время. – Моя улыбка выходит натянутой, но мама кивает и выпускает мою руку из своей.

Когда Спенсер, Эмметт, Эддисон и мама уходят, появляется медсестра, и они с Холденом окружают мою кровать.

Холден подходит ближе, светит фонариком мне в глаза, а затем присаживается на край кровати.

– Знаю, такое пробуждение может сбить с толку и сильно напугать. Поэтому предлагаю проверить твои показатели и поговорить, хорошо?

Я показываю на свое горло, и медсестра протягивает мне стакан с соломинкой.

– Сначала глотай по чуть-чуть. У тебя пустой желудок, не стоит торопиться.

Я пью ледяную жидкость, которая немного облегчает боль. Мне хочется, чтобы это ощущение никогда не заканчивалось, но стакан слишком быстро отбирают.

Затем Холден показывает мне фотографии трех объектов:

– Через несколько минут я задам тебе вопросы по поводу этих предметов. Тебе нужно их запомнить, а потом ответить. Нужно еще разок на них взглянуть?

Чашка, ключ и птица. Это не ракетостроение.

– Нет, не нужно.

– Хорошо. Можешь поднять руки и прижать ладони к моим?

Я выполняю просьбу, и Холден выглядит довольным, а затем переходит к другим несложным тестам. Позже прослушивает мой пульс и называет цифры. Пока он занят делом, в голове с бешеной скоростью проносятся мысли, но я слишком устала, чтобы гнаться за ними.

Холден обращается к медсестре:

– У пациентки начали проявляться синяки на лице, поэтому перед выпиской нужно будет обновить фотографии. Я также хотел бы заказать еще одну магнитно-резонансную томографию. Нужно убедиться, что отек от обеих травм спадает.

– Насколько серьезны ушибы? – спрашиваю я.

– Ничего страшного. Должны зажить через неделю или две.

Я киваю:

– Ладно. А как насчет травмы головы?

– Будет понятно, когда придут результаты анализов и после повторного МРТ.

– Можешь рассказать мне, почему я здесь и что происходит?

– Мы все обсудим, как только закончим осмотр.

Он задает кучу вопросов, и все это время у меня в голове все плывет. Я по-прежнему жду, когда в дверях появится мой брат и скажет Холдену, куда ему засунуть свои медицинские заключения.

Когда наконец мы заканчиваем, он откладывает свой планшет:

– Что было нарисовано на первой картинке?

Я делаю глубокий вдох и затем понимаю, что в голове пустота.

– Эм... Это была...

Я откидываю голову на подушку и пытаюсь сосредоточиться. Я же знаю ответ.

– Чашка! – торжествуя выпаливаю я.

– Хорошо. Ты помнишь второе изображение?

– Да, там были ключи.

Он улыбается, и медсестра кивает.

– Превосходно, Бриэль. А как насчет последней картинке?

– Я помню. Я... Я знаю. – Пытаюсь вспомнить, но мысли путаются. – Кажется, я ужасно устала.

Холден кладет ладонь на мою руку:

– Ты отлично справляешься.

Серьезно?

– Почему бы тебе не рассказать мне о последнем своем воспоминании?

Я смотрю на свои руки, теребя подаренное моим отцом кольцо, и пытаюсь собраться с мыслями. Я начинаю с детства, вспоминаю праздники, дни рождения и каникулы. Мы с братом много проказничали, но в итоге доставалось всегда бедному Айзеку. Мой отец просто не мог меня наказать, и я этим пользовалась по полной.

Вспоминаю выпускной в средней школе, лавандовое платье, которое надела под мантию, и как два дня спустя умер отец.

Похороны прошли в тумане слез и печали, но я отчетливо помню, что именно Айзек будто скала поддерживал мать, не позволив ей развалиться на части.

Знакомство с Генри. Я училась на втором курсе колледжа, и мы пересекались на уроках математики. Боже, он был таким милым и забавным. В конце нашего первого свидания возле

моего общежития он поцеловал меня, и я готова поклясться, что после этого мои губы показывало еще час.

Это было волшебю.

Еще больше подробностей, еще больше воспоминаний о том, как мы влюблялись друг в друга и вместе закончили колледж. Мы ужасно волновались, когда вскрывали письма о приеме в одну и ту же аспирантуру в Орегоне. Я вспомнила квартиру, в которую мы переехали, готовые начать новую жизнь. Спустя два года еще один выпускной, на котором мы уже не были такими воодушевленными, потому что выросли и перед нами стоял взрослый выбор.

Я решила вернуться в Роуз-Каньон, а Генри остался в Портленде, чтобы возглавить семейный бизнес. Это было несколько месяцев назад.

Оторвав взгляд от своего кольца, я заметила, что Холден наблюдает за мной в ожидании ответа.

– Я окончила аспирантуру около полугода назад. Жила с Эддисон и Айзеком, пока искала работу.

Холден начал что-то записывать.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Я... Я знаю, что Айзек и Эдди поженились. Я вернулась домой ради этого. Мы с Генри... – Я умолкла, пытаюсь вспомнить, какими мы были. – Мы поругались. Это было так глупо. Он умолял меня переехать в Портленд, хотя знал, что я этого не хочу. О! После очередного собеседования я получила работу и начала жить одна. – У меня округлились глаза, когда я вспомнила, что только что устроилась здесь на работу. В Роуз-Каньоне.

– Кем ты работаешь?

– Я социальный работник в новом Молодежном центре. Устроилась туда несколько недель назад. – Я улыбаюсь, чувствуя, что дышать становится немного легче. Я вспомнила.

Однако Холден не разделяет моего энтузиазма:

– Ты, кажется, взволнована этим.

– Ага, так и есть. Это замечательное место, и... Там была Дженна...

Он записывает за мной.

– Можешь еще что-нибудь рассказать? Например, о коллегах или детях, с которыми ты познакомилась?

Я нахмурилась:

– Не уверена. Для меня все в новинку, я только начала со всеми знакомиться. – Я произношу эти слова, но они кажутся не совсем правдой.

– Трудно быть новенькой, – Холден улыбается. – А как насчет причины, по которой ты в больнице? Помнишь что-нибудь или кого-нибудь, кто должен был находиться здесь с твоей семьей?

Я перебираю в памяти людей, которые были рядом, когда я проснулась. Очевидно, что Холден ждет от меня имени брата, но он, скорее всего, на учебе. Потому я провожу ладонью по лицу, а затем произношу:

– Генри?

– А что Генри?

Сердце пускается вскачь, и я подаюсь вперед, не понимая, почему болит каждая мышца, тогда как Холден упомянул только о травме головы.

– Он должен быть здесь, но его нет. С ним все в порядке? Ему кто-нибудь звонил?

– Насколько мне известно, с ним все в порядке, и я уверен, что твоя мама ему сообщила.

Слава богу, с ним все в порядке, и он не в соседней палате.

– Он должен скоро приехать. Уверена, что он будет здесь. Возможно, его просто задержали на работе.

– Что ты хочешь сказать?

Я вздыхаю:

– Генри... Если его здесь нет, то он скоро приедет. Вот и все. Мы работаем над отношениями. По крайней мере, стараемся все исправить. Последние несколько месяцев у нас были трудные времена. Он не хочет переезжать в Роуз-Каньон, а я не хочу жить в городе. Мне нравится это место, и я хочу быть поближе к брату и невестке. Они хотят завести ребенка, и я собираюсь стать лучшей тетей в мире.

– Бриэль, почему ты в больнице?

Я закрываю глаза, пытаюсь пробиться сквозь тьму в своем сознании. Но ничего не вижу. Лишь густой туман, который мешает что-либо вспомнить.

Я потеряна. Ничего не вижу.

Сердце бешено колотится, и я изо всех сил пытаюсь отыскать в голове хоть что-нибудь, но вокруг темно, и что-то сдавливает мне грудь.

Паника грозит захлестнуть меня с головой.

Я немедленно распахиваю глаза и перевожу безумный взгляд на лучшего друга моего брата, задыхаясь и пытаюсь втянуть в себя воздух.

О боже. Со мной что-то не так.

– Сделай глубокий вдох носом и выдохни через рот, – командует Холден спокойным тоном, пытаюсь меня успокоить, но тщетно.

– Ч-чего я не знаю? Почему я здесь?

Холден стискивает зубы, как будто сдерживается, чтобы не сказать лишнего. Звуковой сигнал позади меня усиливается.

– Я попала в аварию?

– Не в аварию, но кое-что действительно произошло. Бриэль, мне нужно, чтобы ты успокоилась. Сосредоточься на моем голосе и дыхании.

В груди поднимается новая волна тревоги. Если это не авария, то что тогда? Я не могу успокоиться. Не могу остановить панику, которая нарастает с каждой секундой.

– Что случилось?

– Бри, хватит, – снова пытается успокоить Холден. – Ты должна успокоиться, или мне придется что-нибудь тебе вколоть.

– Нет, нет, потому что... Я не помню, почему я здесь.

От вопросов и предположений кружится голова. Если виноват не несчастный случай, значит, кто-то сделал это со мной. Кто-то причинил мне вред. Я просто хочу знать, кто и зачем. Меня бросило в дрожь от осознания, что слезы на лицах моей матери и невестки, – это ответ на вопрос, который я не хочу задавать. Эдди любит меня, я знаю, что любит, но ее реакция, когда я... когда я произнесла имя моего брата...

Присоединенные ко мне аппараты начинают пищать еще быстрее. Я осознаю, что Холден что-то мне говорит, но грохот пульса в ушах и мое прерывистое дыхание заглушают звук его голоса.

Айзек.

Я произнесла его имя, и Эдди вздрогнула. Что-то действительно произошло.

О боже.

Я не могу. Мне нужно знать. Я снова смотрю на Холдена, сердце бешено колотится в груди, и выдавливаю из себя единственное слово.

– Айзек?

– Бриэль. – Холден сжимает обе мои ладони и пристально смотрит на меня, – постарайся сосредоточиться на мне и сделай медленный вдох. Все хорошо.

Нет, не хорошо. Я не могу вспомнить, почему я здесь. Я не знаю, что случилось, и чем усерднее пытаюсь вспомнить, тем отчаяннее становится писк аппаратов. Зрение затуманилось, и Холден что-то рявкнул медсестре.

Но я не обращаю внимания на его крики. Слишком захвачена вихрем мыслей и отчаянной необходимостью наполнить легкие, которые отказываются работать.

Затем, через минуту, по венам разливается волна спокойствия, и я закрываю глаза, погружаясь в сон.

Я нахожусь в каких-то странных сумерках. Слышу голоса, как будто совсем рядом, но, как бы ни старалась, не могу очнуться.

– Что мы ей скажем? – спрашивает Эддисон.

– Ничего, – отвечает моя мать. – Нам совершенно ясно дали понять, что мы не должны влиять ни на одно из ее воспоминаний. Нужно набраться терпения и позволить памяти вернуться самостоятельно.

– Она ужасно расстроится.

– Определенно, но мы будем рядом, ради нее.

– Не уверена в том, как мы справимся.

Кто-то убирает волосы с моего лица, и слышатся слова мамы:

– Я тоже. Я как будто в ночном кошмаре, который с каждой минутой становится все страшнее. Я просто продолжаю надеяться, что когда она придет в себя, то все вспомнит, но в то же время мне бы хотелось, чтобы этого никогда не произошло.

Кто-то глубоко вздохнул.

– А если не вспомнит? – спрашивает Эддисон. – Будем продолжать лгать? Скрывать от нее правду?

Мама шмыгает носом, и я представляю, что она плачет.

– Это ужасно, но другого выхода нет. Прокурор непреклонен в том, что мы должны поступать именно так, иначе у нас не будет никаких шансов на возбуждение дела. На данный момент у полиции ничего нет.

Возбуждения какого дела? Что происходит?

– Когда она очнется? Что говорит Холден?

– Несколько часов назад он снял ее с седативных препаратов, так что теперь ее организм сам должен решить, когда она будет готова, – ответила мама. – Надеюсь, что это произойдет скоро.

– Я тоже. Но мне нужно вернуться домой к Элоди. Дженна весь день с ней просидела, и я обещала, что буду дома к ужину.

– Конечно, милая. Можешь подождать еще несколько минут?

Кто такая Элоди?

Я пытаюсь преодолеть оковы, удерживающие меня в этом промежуточном состоянии, и хочу спросить, о чем они говорят.

– Может, еще минут десять, – Эддисон тяжело вздыхает. – Мне еще нужно встретиться с агентами похоронного бюро.

Похороны? Чьи?

Я прилагаю все усилия, чтобы веки наконец меня послушались. Я должна проснуться! Не знаю, сколько времени проходит в этих попытках, но в конце концов я добиваюсь от своего тела подергивания пальцев.

– Бри? – зовет меня мама.

Кто-то, вероятно, она, сжимает мою ладонь, и я отвечаю на пожатие. Надеюсь, она понимает, что я пытаюсь.

Проходит еще некоторое время, прежде чем я открываю глаза и вижу заплаканные глаза мамы. Эддисон по-прежнему здесь, и она ласково мне улыбается.

– Привет, – говорит Эдди.

– Г-где Айзек? – спрашиваю, не зная, как долго смогу продержаться в сознании.

Ее губы дрожат, а затем по щеке скатывается слеза. Эддисон качает головой:

– Ты не помнишь?

Я тоже качаю головой, усилием воли удерживая глаза открытыми.

– Хочу. Но не могу. Мне нужно... его увидеть. Пожалуйста... просто скажи мне.

Еще до того, как мне отвечают, я чувствую, что потеряла брата. Ничто не могло помешать ему оказаться рядом, когда я в нем нуждаюсь. Что-то удерживает его вдали от меня.

– Его нет. – Голос Эдди срывается. – Он умер, и... Я... – Она захлебывается рыданиями. – Я не хочу тебе говорить.

Нет. Это невозможно. Мой брат – самый сильный человек из всех, кого я знаю.

Он может пережить все что угодно. Я качаю головой, отказываясь в это верить.

– Нет, это не так! Прекратите! Приведите его сюда.

Мама касается моей щеки, и я поворачиваюсь к ней.

– Это правда, детка. С тобой был твой брат, и его убили.

– Нет! – кричу я и пытаюсь высвободить руку из ее хватки. Нет, этого не может быть. Только не он. Только не Айзек. Он... он мой лучший друг!

Они лгут. Должны лгать, потому что мой брат не мог умереть.

– Пожалуйста, – умоляю я.

– Мне очень жаль. – Эддисон плачет и роняет голову на кровать. – Я знаю, что ты его любишь, и он очень сильно любил тебя, Бриэль.

Сердце щемит так сильно, что я жалею, что вообще проснулась. Лучше оставаться в небытии, где я чувствовала легкость и умиротворение и где не было этой всепоглощающей печали, распирающей грудь так сильно, что кажется, будто ребра вот-вот сломаются.

– Я знаю, тебе трудно в это поверить, – быстро произносит мама. – Мы и тебя чуть не потеряли, Бриэль, и... – Она обращает взгляд своих карих глаз на Эддисон.

Эдди откашлялась:

– Ты была без сознания с тех пор, как это случилось.

– И как долго я в таком состоянии? – спрашиваю, чувствуя растерянность.

Эдди смахнула слезу с моей щеки, прежде чем прошептала:

– Почти четыре дня.

– Расскажите мне, что случилось. Пожалуйста. Я не могу...

– Ш-ш-ш, – ласково говорит мама. – Тише, Бриэль. Мне бы очень хотелось все тебе рассказать, но мы не можем. Мне очень, очень жаль.

– Почему не можете? Расскажите! Немедленно! – кричу я, предпочитая злость горю. Потому что это легче.

Эддисон вздрагивает, но потом берет себя в руки и объясняет:

– Врачи и юристы считают, что будет лучше, если мы позволим твоей памяти вернуться самостоятельно. И, честно говоря, мы даже не знаем, что на самом деле случилось. – Она отводит взгляд.

Вмешивается мама:

– Нам сообщили только то, что ты была с ним. Твоя память должна вернуться самостоятельно, потому что ты единственный свидетель. Ты *единственная* знаешь, кто это сделал. Полиция и окружной прокурор беспокоятся, что адвокат защиты может использовать потерю памяти против твоих показаний.

– Ты имеешь в виду показания, которых у меня нет? Которые я не могу дать против преступника, которого никто не может найти? – Меня переполняют эмоции. Они сдавливают горло, мешая говорить, превращая мой голос в шепот. – Просто расскажите мне, что случилось.

Слезы градом катятся по щекам. Я пытаюсь смириться со смертью брата, при этом никто не может рассказать мне, что произошло, а из головы стерлось неизвестное количество времени.

Глава 2

Бриэль

Измученная рыданиями и разбитым сердцем, я примерно на час засыпаю. Когда просыпаюсь, Холден и мама тратят два часа, пытаясь вернуть воспоминания, но все безрезультатно. После очередного приступа слез я говорю маме, что хочу поговорить с адвокатом и выяснить, что именно, черт возьми, происходит.

Мне сообщили, что он здесь и будет с минуты на минуту. Я нервничаю, но стараюсь держать себя в руках.

Раздается стук в дверь, но вместо окружного прокурора Кору входят Эмметт и Спенсер. Мне хочется накричать на них и потребовать рассказать мне все, что им известно. Вот только я уже знаю, что они этого не сделают, а я не выдержу еще одной попытки «заставить Бриэль саму что-то вспомнить».

– Я ничего не помню и больше не буду этого делать, – произношу я бесстрастным голосом.

– Мы здесь не для этого, – отвечает Эмметт.

– Нет?

– Нет.

– Тогда для чего? – спрашиваю я.

Спенсер пожимает плечами:

– Потому что ты нам нравишься, и твой брат хотел бы, чтобы мы были рядом.

Услышав это заявление, я отворачиваюсь. В детстве Айзек позволял мне ходить за ним хвостиком, и я была той самой раздражающей сестрой, которую все мучили, но в то же время защищали. Я скрестила руки на груди, чувствуя ярость из-за того, что эти ребята, которые всегда были мне как родные, пришли без единственного человека, которого я хочу видеть больше всего, – моего брата.

– Скоро здесь будет адвокат, так что вам лучше уйти.

Эмметт придвигает стул поближе к кровати.

– Мы остаемся, потому что тебе не помешают друзья.

– Мне бы не помешал мой брат.

Я ужасно по нему скучаю. Будь он здесь, он бы мне все рассказал. Его бы не волновал какой-то дурацкий план, как помочь мне вернуть память. Он бы никогда не позволил мне так страдать.

Эмметт выпустил воздух через нос:

– Нам тоже. Айзек был лучшим из нас.

Я вытерла непрошеную слезу:

– Безусловно.

– Ему бы это не понравилось, – заметил Эмметт. – Наблюдать, как ты страдаешь.

Нет, не понравилось бы. Айзек бы все исправил. Он всегда так делал.

– Бри, – сказал Спенсер, – мы все за тебя переживаем. Ты для нас важна, ясно? Мы хотим быть рядом с тобой, потому что Айзек сделал бы то же самое и потому что мы тебя любим.

Он смотрел на меня своими зелеными глазами, от чего мое сердце затрепетало.

Боже, глупая девчонка во мне хочет превратить это в нечто большее. Я мечтала услышать что-нибудь подобное из уст Спенсера Кросса с тех пор, как мне исполнилось тринадцать, но, конечно, лучше не давать волю этим фантазиям.

Даже сейчас, хоть он и выглядит как призрак того парня, в которого я влюбилась, Спенсер потрясающий. Он отрастил бородку, под которой, как я знаю, скрывается сильная линия

челюсти. И на первый взгляд он такой же, как и раньше, лишь стал шире в плечах, и судя по облегающей рубашке, под ней много мышц. Но глаза не изменились. Они все такие же изумрудно-зеленые, и я могла бы нарисовать их даже во сне.

Я отодвигаю глупую часть себя в сторону, потому что у меня есть парень, который меня любит. Я не должна лезть в кроличью нору, из которой выбраться невозможно.

Затем раздается еще один стук, и входят Кора и Холден.

– Привет, Бриэль, – говорит сестра Дженны, Кора.

На ее губах играет улыбка.

Кора – окружной прокурор и на три года старше меня. В старших классах мы играли в одной команде по софтболу, и она всегда пугала меня до смерти.

Не то чтобы на то была причина. Просто она одна из тех женщин, которые излучают силу, и именно это вызывает тревогу.

Однако то, как Кора смотрит на меня, не столько пугает, сколько печалит. Исчез тот боец, который мог приказывать не отвлекаться от обязанностей ловца, пока она подает, теперь появились жалость и сочувствие – и мне это не нравится.

Следующими вошли моя мама и Эддисон. Быстро меня обняв, они заняли место у окон.

– Привет, Кора.

Она улыбнулась:

– Ты хорошо выглядишь, рада это видеть.

Холден подошел ближе:

– За последний час что-нибудь изменилось?

– Ничего с тех пор, как ты заходил.

Холден огляделся по сторонам.

– Я хотел дать тебе время и надеялся, что этот визит поможет освежить память, прежде чем мы окончательно обозначим границы. Последние воспоминания не изменились, все те же?

– Да, мне нужно понять, насколько все плохо.

– Разумеется. Хочешь, чтобы я освободил комнату?

Я бросила взгляд на Эмметта и Спенсера и покачала головой.

– Нет, все в порядке.

– Знаю, данная ситуация тебя ужасно расстраивает, Бриэль, – произносит Кора. – Мне бы хотелось объяснить, почему мы поступаем именно так. На данный момент у нас нет информации о человеке, имеющем отношение к смерти твоего брата и покушению на твою жизнь. Поступил звонок о выстреле, и прибывший на место происшествия полицейский обнаружил вас без сознания. Конечно, мы надеялись, что, очнувшись, ты сможешь опознать нападавшего, но твои проблемы с памятью создали новые сложности.

Я кивнула, слушая первого человека, который сообщил мне хоть какую-то чертову информацию.

– Хорошо, и как это относится к моему текущему положению?

– Моя работа как прокурора заключается в том, чтобы раскрыть вверенное мне дело и не оставить никаких сомнений в том, что подозреваемый виновен. Сейчас мы, – она перевела взгляд на Эмметта, – все усердно работаем над тем, чтобы найти улики, которые, возможно, позволят обойтись без твоих показаний. Но на данном этапе, в интересах дела, окружающие не должны ничего тебе рассказывать.

– Какое это теперь имеет значение?

Она тяжело вздохнула.

– Суть моей идеи в том, что, будь я на стороне защиты, я бы воспользовалась данным фактом, чтобы посеять сомнения во время судебного процесса. Наличие пробелов в памяти у ключевого свидетеля позволяет легко оспорить его показания, заявив об их недостоверности

либо о воздействии на свидетеля. Бриэль, я предлагаю держать тебя в неведении относительно твоей жизни и посмотреть, вернутся ли воспоминания сами по себе.

Сердце бешено заколотилось, а глаза наполнились слезами.

– Значит, ты хочешь, чтобы мне лгали?

– Не лгали. Я знаю, то, о чем я прошу, очень непросто, но на данный момент это единственный выход. Нам нужно сохранить целостность твоих воспоминаний. Итак, если ты не возражаешь, я хочу познакомить тебя с психотерапевтом, который специализируется на подобных случаях, а также при необходимости выступает в качестве свидетеля-эксперта. Это трудоемкий процесс, и я понимаю твое нежелание, но, опять же, хочу защитить дело, что, в свою очередь, в твоих интересах.

Спенсер подошел к кровати:

– Как долго нам всем придется этим заниматься?

Кора пожала плечами:

– Пока к ней не вернется память или пока у нас не будет достаточно оснований для ареста и судебного преследования без ее показаний.

– А если она не захочет давать показания? – возразил он. При этих словах я округлила глаза.

Кора повернулась ко мне:

– Разумеется, это твой выбор. Ты не обязана этого делать, но твой рассказ о случившемся поможет вынести обвинительный приговор.

Я откинула голову назад и посмотрела на Спенсера, который наблюдал за мной полными сочувствия и грусти глазами. Он был самым близким другом Айзека. Они оба больше походили на братьев, чем на друзей. Должно быть, ему так же больно, как и мне.

– Я бы сделала все, чтобы восстановить справедливость в связи со смертью моего брата.

– Вот и славно.

На лице Спенсера появилась легкая улыбка, но она тут же исчезла, когда он повернулся к Коре.

– Обеспечить ее безопасность – наша первоочередная задача.

Эмметт повысил голос:

– Если убийца считает, что Бриэль ничего не помнит, это может сыграть нам на руку.

– Возможно, он уже давно исчез, – добавил Спенсер, не сводя с меня глаз.

– Какое это имеет значение? Он убил Айзека, и мы понятия не имеем, кто это, – сказала я, чувствуя себя потерянной. Я повернулась к Коре, разрушив момент. – Ладно. Пусть никто ничего не рассказывает. Я хочу, чтобы тот, кто так поступил со мной и Айзеком, за все заплатил.

Девушка похлопала меня по плечу:

– Если что-нибудь вспомнишь, пожалуйста, дай нам знать. Но мы тоже не сидим сложа руки, полиция делает все, что в ее силах.

После этого Кора уходит.

Я обращаюсь ко всем собравшимся:

– Когда состоятся похороны?

– Через два дня, – отвечает Холден. – Думаю, к тому времени ты будешь готова к выписке. Если не считать потери памяти, ты быстро поправляешься.

– Верно. Мы это выяснили.

Эмметт схватил меня за руку:

– Все пройдет, Бри. Я действительно в это верю.

– Сейчас вся моя жизнь – полная бессмыслица! Ты это понимаешь? Сейчас ты шериф Роуз-Каньона, но последнее, что помню я, – как прощалась с тобой в аэропорту перед твоим

отправлением на службу. – Я смотрю в потолок, ненавидя себя. – Можешь хотя бы сказать мне, какое сегодня число?

Спенсер ответил.

Я закрыла глаза, сосредоточившись на дате. Я помню, когда закончила аспирантуру, и... Боже мой, прошло почти три года.

Мое дыхание учащается, и я смотрю на собравшихся:

– Но...

– Знаю, – понимающе произнес Холден. – Знаю, что пропало много времени.

– Мое сердце разбито, – призналась я. – Меня саму словно разбили на части.

– Вовсе нет, – поспешно возразил Спенсер.

Хотелось бы мне в это верить.

– Значит, будет, когда увижу тело своего брата в гробу. Особенно зная, что ни черта не помню. Что я могла спасти его! Что я уже ничего не могу исправить!

По щекам потекли слезы, и Эмметт сжал мою ладонь:

– Твой брат никогда бы не стал тебя винить.

– Зато я виню себя!

Неважно, что бы сделал Айзек. Он мертв, и я была рядом, когда это случилось. Все ответы скрыты в моей голове. Я видела этого человека. Я была там, но не могу вспомнить. Возможно, мне даже известна причина произошедшего. Убийца может быть кем угодно, но как бы глубоко я ни копалась в черной дыре своего мозга, там пусто. У меня миллион вопросов. Почему меня пощадили? Почему этот человек не убил и меня тоже? Все это не имеет смысла.

Я повернулась к Холдену:

– Сколько это будет продолжаться? Когда ко мне вернется память?

– Мне бы очень хотелось, чтобы на этот вопрос был однозначный ответ. Учитывая тип полученной тобой черепно-мозговой травмы, лучшее, что мы можем сделать, – это терпеливо ждать. Я действительно верю, что память вернется, ты должна позволить ей восстановиться.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю наверняка, но ни один из анализов не указывает на долговременные неврологические повреждения. Твоя речь не пострадала. Ты можешь ходить, у тебя нет никаких проблем с мелкой моторикой, и долговременная память, похоже, тоже не пострадала. Вот почему я *верю*, что ты вернешь утерянные воспоминания. Просто это может занять некоторое время.

– И все думают, что лучший план – держать меня в неведении?

Я задаю этот вопрос всем присутствующим в комнате, но смотрю прямо на свою мать, которая кивает, хотя в уголках ее глаз собираются слезы.

Эмметт первым нарушает молчание:

– Даже представить не могу, как все это, должно быть, тебя расстраивает, но Кора права. Если мы повлияем на одно воспоминание, что тогда?

Меня бросает в жар, пока я пытаюсь переварить эти слова. Это уже перебор. Все это, черт возьми, слишком.

Холден подходит ко мне:

– Бриэль, я хочу, чтобы ты закрыла глаза и сделала медленный, глубокий вдох. Вспомни, что я говорил об исцелении: мы должны делать все, что в наших силах, чтобы сохранять спокойствие.

Невозможно оставаться спокойной. Ничто в данной ситуации не позволяет этого сделать. Я сойду с ума. Я посмотрела на собравшихся, не в силах контролировать свои эмоции.

– Я не знаю, замужем ли я и есть ли у меня дети. И вообще, я еще работаю в Молодежном центре? Мы с Генри по-прежнему вместе? Должны быть, верно? Мы были... в последний раз, когда я... – В голове вихрем проносятся вопросы. Я смотрю Спенсеру прямо в глаза и спрашиваю: – Кто я теперь?

– Та же девушка, какой была всегда. Веселая, добрая, любящая и умная. Ты храбрая, и, хотя мы все знаем, как ты напугана, ты найдешь дорогу назад.

Мне хочется плакать, потому что это самое приятное из того, что он мне когда-либо говорил. Я жду шутку о том, как я его раздражаю, но ее не последовало.

Эмметт откашлялся:

– Можешь ли ты вспомнить хоть что-нибудь после того, как устроилась на работу?

Я отрицательно качаю головой:

– Лишь какие-то яркие бессмысленные вспышки, но не могу ни за что зацепиться.

– Ничего не может быть бессмысленным. – Голос Холдена звучит успокаивающе. – Расскажи нам, что ты видишь. Может быть, если облечешь образы в слова, это поможет тебе вспомнить.

Я раздраженно вздыхаю, но он врач и знает лучше.

– Помню запах дыма, но не от костра, а от сигары, трубки или чего-то еще. Я как будто чувствую его на вкус. Не могу это объяснить, он будто на языке. Я ведь не курю, верно? Не могла же я внезапно начать курить сигары?

Эмметт рассмеялся:

– Насколько мне известно, нет.

Спенсер покачал головой:

– Как будто ты вдохнула дым или съела что-то с таким вкусом?

Я на секунду задумалась:

– Нет, это больше похоже на привкус, но это не было... Не знаю. Бессмыслица какая-то.

Холден положил ладонь мне на плечо:

– Все хорошо, Бри. Это значит, что не все потеряно.

– Да, я очень рада, что за последние три года вспомнила привкус сигары.

– Радуйся, что у тебя вообще появилось воспоминание, которое нельзя связать ни с чем произошедшим три года назад, – возразил он.

Я размышляю над его словами. Жаль, что не могу вспомнить, откуда этот привкус во рту. Я провожу языком по верхней части неба и наклоняюсь вперед:

– Погодите!

– Что? – спрашивает Эмметт.

– Не у меня на языке. Он от кого-то другого. – Я закрываю глаза, пытаюсь воскресить ту искру воспоминаний, и чувствую что-то еще. Тепло и желание. – Я целовалась с человеком, который курил сигару.

Эмметт наклоняется вперед:

– С кем?

Я жду, кровь разносит по телу тревогу и возбуждение. Если я вспомню, кто это был, значит, память начала возвращаться. Обдумываю воспоминание, но все кажется странным. Закрыв глаза, я пытаюсь сосредоточиться. Ни лица, ни звуков, ничего, кроме тепла и вкуса. Я поднимаю взгляд, встречаюсь им с Холденом, и мое сердце падает.

– Не знаю. Предполагаю, что с Генри.

В ушах звучит голос Спенсера.

– Закрой глаза снова, Бриэль. Я хочу, чтобы ты вернулась к тому поцелую. Я хочу, чтобы ты не боролась с ним. Прими желание, тепло, все свои ощущения. Подумай о вкусе на твоём языке. А теперь подумай о своём теле. Он был высокий?

– Я его не вижу.

– Приходилось ли тебе вытягивать шею? – спрашивает Спенсер.

Я прислушиваюсь к себе:

– Да. Мне пришлось встать на носочки.

– Хорошо. А как насчет самого поцелуя?

Я помню, как он касался моих губ, подталкивая и дразня.

– Он был игривым.

А потом воспоминание исчезает. Я открываю глаза, и мне хочется закричать.

– Все исчезло! Я не могу...

– Все в порядке, – уверяет меня Эмметт. – Знаю, ты хочешь побыстрее все вспомнить, но попытки вернуть воспоминания силой только расстроят тебя. Ты должна позволить своему разуму работать в его собственном темпе.

Проще сказать, чем сделать.

– Тебе легко рассуждать, Эм. Я в ужасе от того, что случилось. Я понятия не имею, было ли это неудачным ограблением. Кто был его целью – я или Айзек? А что, если преступник придет, чтобы закончить начатое? Мне нужно вспомнить. Мне нужно вернуть свою жизнь, чтобы я могла чувствовать себя в безопасности и знать, что тот человек за решеткой.

Спенсер пытается меня успокоить:

– Никто не причинит тебе вреда. Сейчас за дверью полиция, а когда тебя выпишут, придет команда личной охраны. Мы не допустим, чтобы с тобой что-то случилось.

– Личная охрана?

Эмметт кивнул:

– Да. Мы бы наняли всю армию США, будь такая возможность, но и эти ребята – бывшие «морские котики». Я доверяю им свою жизнь, и они защитят твою.

Такое ощущение, что я попала в альтернативную реальность. Может быть, это сон? Вдруг я сейчас очнусь в своей комнате? Но это не сон. Из этого ада не выбраться. Я откинулась на подушку, чувствуя себя беспомощной.

– Если бы только я вспомнила...

Холден улыбнулся:

– Это может помочь, а может – и нет. – У него звонит телефон, он односложно отвечает, а затем поворачивается к Эмметту. – Очнулся пациент, с которым ты хотел поговорить.

– Хорошо.

– Скоро вернусь тебя проведать, – обещает Холден.

Я кивнула:

– Буду ждать.

Они уходят, включая Эддисон и мою маму, и Спенсер опускается на стул, на котором до этого сидел Эмметт. Он выглядит измученным, а щетина на лице почти превратилась в густую бороду.

– Что? – спрашивает он.

Интересно, что с ним? Почему он кажется таким разбитым? Спенсер всегда был неординарной личностью, но сегодня он выглядит немного потерянным.

– Просто ты выглядишь... как будто после очень захватывающего приключения.

Это вполне могло быть правдой. Обычно после важного задания он выглядел не таким уж бодрым. Он жил бог знает где, делал бог знает что, и... Что ж, в такие моменты он всегда казался мне сексуальнее, чем обычно.

– Хотел бы я, чтобы это было так.

– Значит, ты здесь не после завершения очередного ужасного расследования?

Он ухмыльнулся:

– Будь это так, я бы выглядел намного лучше, чем сейчас.

– Знаю, ты не можешь ничего рассказать о моей жизни, но мог бы ты рассказать о своей?

Он загадочно улыбается:

– Тут особо нечего сказать.

– Сомневаюсь.

Спенсер видел удивительные вещи и встречал людей с невероятными судьбами. Он брал интервью у шпионов и дипломатов. Думаю, он даже работал над раскрытием террористической группировки.

Раньше мне нравилось слушать его истории о поездках. Ну, обо всем, кроме девушек, с которыми он встречался. Эту часть я всегда хотела пропустить.

Спенсер вздохнул:

– Но это правда. Прошло много времени с тех пор, как я в последний раз над чем-нибудь работал.

– Почему?

Он пожал плечами:

– У меня был творческий кризис, и я решил остаться здесь.

При этих словах мои брови непроизвольно взлетели.

– Ты решил остаться в Роуз-Каньоне?

– А кто не любит этот идиллический городок со всеми его причудами?

У меня вырвался хриплый смешок:

– Мы с тобой оба знаем, что это ложь.

– Я здесь с тех пор, как Эмметт вернулся. Эдди и Айзек поженились, как ты помнишь.

– Помню. Ты был в стельку пьян на свадьбе.

– Мне пришлось произнести ту гребаную речь.

Я закатила глаза:

– Ты же писатель! Ты любишь слова.

– На бумаге, – поправил он с ухмылкой. – Я ненавижу говорить. И очень нервничал.

– Ты отлично справился.

Он посмотрел на свои ботинки, а затем снова встретился со мной взглядом:

– Он был моим лучшим другом.

Спенсер и Айзек были очень близки. Спенсер вырос с худшими родителями в мире и почти все время проводил в нашем доме. Они все делали вместе, и чаще всего, если удавалось найти одного, находили и другого.

– Я знаю. – Мой голос звучит тихо.

– Ума не приложу, что, черт возьми, я буду без него делать. Эддисон и Эл... Я просто...

Я заметила оговорку и посмотрела ему прямо в глаза.

– Кто такая Элоди?

Спенсер отодвинулся и уперся локтями в колени.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

Кроме того факта, что он явно не хочет, чтобы я спрашивала?

– Я слышала, как Эддисон упоминала это имя, но не знаю, кто это.

– И что ты думаешь?

– Не знаю. У меня миллион предположений. Новый друг. Коллега. Девушка, которая стрижет мои волосы. Но дело в том, как она произнесла ее имя. То, как она переживала, и что Дженна была с ней... Я не знаю.

– Не уверен, что могу рассказать тебе это, – честно признался Спенсер.

– Она из тех, кого я только что назвала? – попыталась я.

– Нет.

Ладно.

– Она любовница моего брата?

Спенсер фыркнул:

– Как будто Айзек мог посмотреть на другую женщину.

Нет, но она – часть его жизни. Или была...

– Учитывая, какой большой промежуток времени я забыла, не могу не задаться вопросом, может быть, она моя дочь? Я замужем и у меня есть ребенок?

Спенсер качает головой:

– Она не твоя дочь.

Я тяжело вздохнула:

– О, слава богу. Тогда... она дочь Айзека и Эдди?

Я вижу борьбу в его глазах.

– Да.

– Спасибо, – быстро благодарю я. – Спасибо, что не лжешь мне.

– Я никогда не буду тебе лгать, Бриэль. Никогда.

Как бы мне хотелось, чтобы он открыл мне правду.

– Но ты ведь больше ничего мне не расскажешь, правда?

– Если бы я мог...

– Ну да, – закончила я.

Моя единственная надежда состоит в том, что что-то заставит мою память вернуться. Вдруг я увижу кого-нибудь или услышу голос, который заставит распахнуться шлюзы памяти. Кто знает, может быть, это произойдет, когда я увижу Айзека.

От остальных подробностей ждать не приходится.

– Спенсер?

– Да?

– Если бы ты не мог вспомнить последние три года своей жизни, что бы ты сделал?

Он посмотрел на меня с сочувствием:

– Я бы вернулся к началу и принялся за поиски пути к концу.

Я положила голову на подушку и посмотрела в окно.

– Хотелось бы, чтобы мой конец был другим, а не потеря Айзека.

– Но что, если это единственное событие изменило всю твою историю?

– Наверное, так и должно быть, потому что мой мозг в любом случае отказывается вспоминать сюжет...

Глава 3

Бриэль

Мама вошла в комнату, но улыбка не коснулась ее глаз.

– Привет, Бри.

– Привет.

– О, какие прелестные цветы! – Она подошла к столику, на котором стоял огромный букет розовых роз.

– Ага.

– От кого они?

Я улыбнулась.

– Можешь взглянуть на карточку, – разрешаю я ей.

Она читает, стоя ко мне спиной, а затем кладет открытку обратно:

– Думаю, это очень мило.

Я борюсь с желанием застонать.

– Да, так и есть. Он исключительно мил со мной с тех пор, как я пришла в себя.

Мама улыбнулась:

– Да, что ж, я разговаривала с Холденом всего несколько минут назад. Он сказал, что у тебя все хорошо и что завтра ты сможешь вернуться домой?

Ладно, с этим разговором все понятно.

Меня всегда бесило, что мама, даже заранее зная ответ, формулирует утверждения как вопросы.

– Именно это он и сказал.

– И вы оба считаете, что тебе можно вернуться в свою квартиру? Просто я не знаю, как относиться к этой идее.

Если проявлю хоть каплю сомнений, мама переедет ко мне, и это будет худшим из возможных исходов. У меня чудесная мама – когда она за четыреста миль от меня. Мы слишком похожи друг на друга, чтобы жить вместе.

– Думаю, родные стены и мои личные вещи помогут. Вдруг что-то среди них окажется зацепкой, и я вспомню свою жизнь.

Мама тяжело вздохнула:

– Не знаю.

– Ты не виновата. Понимаю, ты хочешь как лучше, но я справлюсь.

– Точно? Ты действительно сможешь с этим справиться, Бриэль? Твой брат мертв, а ты...

Я почти...

Ее голос надламывается, и мое сердце тут же отзывается болью.

– Прости.

Она отворачивается и вытирает глаза, а затем снова выдавливает из себя улыбку:

– Нет, нет. Я в порядке. Просто мне тяжело, вот и все. Мать должна помогать своим детям, а я ничего не могу исправить. Я ничем не могу тебе помочь, и теперь Эддисон хочет уехать...

– Уехать? – быстро переспрашиваю я. – Что значит «уехать»?

Мама встречается со мной взглядом:

– Мне не следовало так говорить. Она скорее хочет ненадолго отсюда вырваться, а не уехать с концами.

– Не понимаю, она же любит этот город.

– И она любила Айзека в этом городе. Теперь ей невыносимо здесь находиться, потому что все его оплакивают. Буквально все вокруг напоминает ей о нем, и она считает, что для нее было бы лучше сменить обстановку, – по крайней мере, до тех пор пока мы не выясним, что случилось.

Потому что это был их город.

Именно здесь в шестнадцать лет Айзек и Эддисон полюбили друг друга. Они оба учились в колледже неподалеку отсюда, с первой встречи были неразлучны, поженились и вернулись в Роуз-Каньон, чтобы начать взрослую жизнь.

Айзек получил работу, о которой всегда мечтал, – преподавателя и тренера, а Эддисон стала библиотекарем.

Их все знают. Их все любят. Их место здесь, и я не могу представить, что Эддисон уедет.

– Куда она собирается?

Мама покачала головой:

– На восток. Она поддерживает общение с двоюродной сестрой Эмметта, Девни, которая живет в Пенсильвании. Там у нее есть домик, где Эддисон сможет некоторое время пожить.

– Но там она будет совсем одна!

– Как раз это меня и расстраивает.

Я выдохнула, чувствуя, как на плечи все сильнее давит тяжесть ситуации. Сердце болит за мою невестку. Она, должно быть, испытывает страшную душевную боль. Ведь будущее, которое они строили с Айзеком, теперь уничтожено. Дом, счастье и семья, о которых она мечтала, исчезли. Мне не нужно вспоминать последние три года, чтобы понять: они были счастливы.

Эдди и Айзек олицетворяли любовь.

Теперь это исчезло, и я бы сделала все, чтобы избавить ее от мук.

– Надолго?

– Она не сказала, но мне кажется, она быстро вернется. Роуз-Каньон – ее дом.

– Мне жаль. Если бы я... вспомнила, что произошло, тогда я смогла бы хоть немного все исправить, и тогда, возможно, она останется.

Мама бросилась ко мне:

– Нет, детка. Даже если ты расскажешь ей все до мельчайших подробностей, это не избавит ее от боли. Я никогда не видела двух людей, более подходящих друг другу, чем Айзек и Эддисон, и ей просто нужно время, чтобы выплакаться. Я слишком хорошо это знаю.

Да, это так. Мама безумно любила моего отца.

– Хотела бы я, чтобы никто из вас не знал таких страданий.

– Мне бы тоже этого хотелось, но отмеренное нам с папой время стоило той боли, которую я испытала после его утраты.

При этих словах я подумала о Генри, чувствуя раздражение оттого, что последнее оставшееся о нем воспоминание – это наши ссоры из-за жизни в разных городах. Его семья владеет бухгалтерской фирмой в Портленде, и его готовили к тому, чтобы он ее возглавил. Мы не могли прийти к единому мнению о нашем будущем.

Мне нравится жизнь в маленьком городке, вот почему я устроилась сюда на работу.

Интересно, мы опять превратились в счастливую пару или по-прежнему постоянно грыземся?

– Что с лицом? – поинтересовалась мама.

– Ничего. Просто меня злит, что моя жизнь похожа на головоломку, в которой ни один кусочек не подходит друг к другу.

– Все сложится, Бри.

Хотела бы я обладать ее уверенностью.

– Ты разговаривала с Генри? – спрашиваю я.

– Да.

– И?

Мама тянется к своей сумочке, внезапно переключив все свое внимание на нее.

– Он очень обеспокоен.

– Значит, мы по-прежнему вместе?

Сумка падает на пол.

– Черт. – Ей требуется время, чтобы собрать кучу вещей, которые в ней лежали. – Извини, ну так вот, да, мы поговорили. Он очень расстроился и сказал, что приедет, как только сможет.

Это не ответ на мой вопрос, но думаю, к этому придется привыкнуть.

– Пришло время прогулки, выйдешь со мной? – Я оставляю тему, слишком сложную для меня.

– Конечно.

Мама помогает мне подняться и поддерживает, когда я покачиваюсь. Как бы медленно я ни вставала, на меня всегда накатывает головокружение. Холден обещал, что все пройдет, и я с нетерпением жду этого дня.

– Все, отпустило.

Мама подкатывает ко мне капельницу, и мы выходим из палаты. Мы двигаемся по коридору, и когда мышцы привыкают к нагрузке, становится немного легче. После четырех дней в бессознательном состоянии и еще двух, в которых главным событием было путешествие до туалета, приятно было размяться. Я делаю это несколько раз в день, постепенно набираясь сил.

– Здравствуй, миссис Дэвис. – Холден улыбнулся и положил папку на сестринский пост.

– Здравствуй, Холден. Не представляю, как бы мы справились без тебя. Я всегда знала, что ты особенный, – произносит мама.

– Насчет этого не уверен, но рад видеть, что Бриэль идет на поправку. – Он посмотрел на меня. – Ты все делаешь медленно?

– Да.

– Хорошо. Медленно, но уверенно, – вот что нам нужно.

Я закатила глаза:

– Ты всегда был занудой.

Холден ухмыльнулся:

– Что ж, по крайней мере, это воспоминание при тебе.

– Да, мне повезло. – Я замираю. – Кстати, когда ты вернулся в город?

Он наблюдает, как в моей голове начинает формироваться какая-то мысль.

– Ты переезжал в Калифорнию, но сейчас ты здесь. Это означает, что ты вернулся?

Холден не отрывает от меня взгляда:

– Нет, я здесь временно.

– Хорошо, а что насчет дела, над которым ты работал в Сиэтле?

Холден и мама обмениваются взглядами.

– Что ты имеешь в виду, говоря о Сиэтле?

– Ты консультировал по какому-то важному делу, верно?

Он кивнул:

– Верно. Вообще-то, я был там несколько недель назад.

– Недель? А до этого ты туда ездил?

Он покачал головой:

– Нет. Это моя первая консультация в Сиэтле. Довольно важное событие, поскольку она проводилась в рамках научного исследования.

– Я вспомнила что-то из недавнего прошлого, – констатировала я, обращаясь скорее к самой себе.

– Может, были еще какие-нибудь видения или воспоминания?

Я шурю, пытаюсь собраться с мыслями, а мама и Холден наблюдают за мной.

– Есть одна... вещь. Ключ. Не знаю, что это такое. Не могу понять, что он значит.
– Ты имеешь в виду ключ – типа фотографии, вызывающей воспоминание?

Я отрицательно качаю головой:

– Нет, настоящий ключ. Старинный с причудливыми завитушками наверху.

– На нем есть что-нибудь интересное? – спрашивает Холден.

Я усердно стараюсь не расстраиваться, потому что, опять же, многого не знаю. Просто этот ключ все время всплывает в памяти.

– Он на красной ленточке. Понятия не имею, от чего он.

– Здорово, Бри, – подбадривает Холден. – Что-нибудь еще?

Я отрицательно качаю головой.

– Откуда этот ключ?

Мама и Холден переглядываются.

– Понятия не имею.

– Это ключ, который я тебе дал, когда попросил переехать со мной в Портленд.

Я узнала бы его голос где угодно.

– Генри! – Я поворачиваюсь, радуясь, что он здесь.

В его глазах тревога, но он улыбается и приближается ко мне.

– Привет, Бри.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку, и у меня перехватывает дыхание. Грудь наполняется теплом, и возвращается ощущение нормальности.

– Я так рада, что ты здесь.

Он касается моей щеки:

– Я узнал только сегодня утром. Как хорошо, что с тобой все в порядке. – Он поворачивается к нашим зрителям. – Миссис Дэвис, Холден, – приветствует он.

Мама подходит к нему и, похлопав по груди, говорит:

– Я рада, что ты здесь, Генри.

Холден делает шаг вперед, протягивая руку:

– Рад тебя видеть, Генри. Приятно видеть, что Бриэль немного успокоилась.

– Да, кажется, только что, – отмечает моя мама.

Я переплела свои пальцы с его и притянула Генри ближе.

– Я все думала, почему тебя не было рядом, когда я проснулась, но теперь просто счастлива, что ты здесь.

Он сжал губы в тонкую линию:

– Я узнал о случившемся лишь несколько часов назад и сразу приехал.

Я повернулась к своей матери:

– Ты ждала почти шесть дней, прежде чем позвонить ему?

– Нет, нет, – перебил Генри. – Она звонила. На самом деле я был в отъезде, но как только получил сообщение, сразу приехал.

Мама кивает со странной улыбкой.

– Сейчас ты здесь, и это самое главное.

– Очень сожалею об Айзеке, – произносит Генри и обнимает меня своими сильными руками. Я закрываю глаза. – Я очень его любил.

– Знаю.

Сейчас все кажется правильным, и я ощущаю себя в безопасности. Возможно, я забыла последние три года своей жизни, но это чувство мне знакомо. Мы определенно подходим друг другу. Я смотрю на Генри снизу вверх со слезами на глазах:

– Я счастлива, что ты здесь. Ты мне нужен.

Он улыбается, а затем бросает взгляд на мою мать, которая настороженно за нами наблюдает.

– Мама?

Она слишком быстро кивает:

– Извините, я дам вам время побыть вдвоем. У меня есть кое-какие дела перед твоей завтрашней выпиской, а еще надо помочь Эддисон с подготовкой к похоронам.

– Тебе необязательно уходить.

Очевидно, стена, которая образовалась между ними много лет назад, никуда не делась. Когда мы с Генри только начали встречаться, он маме очень нравился, но прямо перед выпускным она уговаривала меня с ним расстаться. Ей не нравился его гиперконтроль, и ей никогда не казалось, что мы счастливы вместе.

– Я не собиралась надолго задерживаться. Просто хотела тебя провести. Теперь, когда Генри здесь, вам обоим не мешает пообщаться наедине.

Я поворачиваюсь к своему парню.

– Останешься ненадолго, пожалуйста? – спрашиваю я.

Генри кивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.